

- [Кристи Агата](#)

-

Кристи Агата

Мертвый Арлекин

Агата Кристи

Мертвый Арлекин

Мистер Саттервейт не спеша шел по Бонд-стрит, наслаждаясь ясной солнечной погодой. Одет этот старый джентльмен был со свойственной ему аккуратностью и со вкусом. Он направлялся в Харчестерскую галерею, где проходила выставка работ некоего Френка Бристоу, нового неизвестного художника, неожиданно ставшего чрезвычайно популярным. А мистер Саттервейт был меценатом.

В галерее его встретили с доброй улыбкой, как старого знакомого.

- Доброе утро, мистер Саттервейт. Мы знали, что вас не придется долго ждать. Вы еще не знакомы с картинами Бристоу? Замечательные, просто замечательные работы.

Очень своеобразный художник.

Мистер Саттервейт купил каталог и, миновав сводчатый проход, вошел в длинный зал, где висели картины Бристоу. Это были акварели, выполненные с таким необычайным изяществом, что напоминали цветные гравюры. Старый джентльмен шел медленно, разглядывая работы. В целом они пришлись по вкусу мистеру Саттервейту.

Он решил, что успех художника вполне заслужен: тот действительно обладал оригинальным взглядом на вещи и поистине филигранной техникой исполнения. Не обошлось, конечно, без не совсем удачных картин и, тем не менее, этот Бристоу был едва ли не гениален. Мистер Саттервейт задержался перед небольшой акварелью, на которой был изображен Вестминстерский мост. По нему спешили автобусы, трамваи, толпы людей. Работа называлась "Муравейник". Затем старый джентльмен проследовал дальше и, шумно вздохнув от изумления и неожиданности, застыл на месте.

Его внимание привлекла акварель "Мертвый Арлекин". На полу, выложенном квадратами черного и белого мрамора, лежал, раскинув руки, человек в пестром костюме. На заднем плане картины было изображено окно, и через него на распростертую фигуру смотрел, вроде бы тот же самый, человек. Его силуэт четко выделялся на фоне ярко-красного заката.

Эта работа взволновала мистера Саттервейта по двум причинам. Во-первых, он узнал, или ему показалось, что он узнал, - человека, заглядывавшего в окно. Тот был очень похож на мистера Квина, знакомого Саттервейту по одной-двум встречам в довольно необычных обстоятельствах.

- Несомненно, он, - пробормотал старый джентльмен. - А если так - что все это значит?

Мистер Саттервейт знал, что появление мистера Квина всегда сопровождается драматическими событиями. Вторая причина волнения пожилого джентльмена объяснялась тем, что он узнал на картине место действия.

- Это терраса в поместье Чарнли, - произнес он. - Любопытно, очень любопытно.

Саттервейт уже более внимательно взглянул на акварель и задумался: что же хотел сказать своей картиной автор? Один Арлекин лежит мертвый на полу, а другой смотрит на него через окно. Или это один и тот же Арлекин? Мистер Саттервейт пошел дальше, рассеянно осматривая работы, однако его мысли были заняты той, поразившей его, акварелью. Старый джентльмен разволновался. Жизнь, которая только сегодня утром казалась ему серой и однообразной, серой и однообразной уже не была. Саттервейт подошел к столу, где сидел мистер Кобб, сотрудник Харчестерской галереи. Они были знакомы много лет.

- Я хочу приобрести картину, - заявил мистер-Саттервейт. Она в каталоге под номером 39. Разумеется, если она не продана.

- Мистер Кобб заглянул в свой журнал.

- Самая лучшая из его работ, - пробормотал он. - Настоящий шедевр, не так ли?

Нет, она не продана. - Мистер Кобб назвал цену и добавил: - Ценное приобретение, мистер Саттервейт. Через год она будет стоить в три раза дороже.

- Вы всегда так говорите, - улыбнулся пожилой джентльмен.

- И что, я хоть раз был неправ? - спросил мистер Кобб. - Если вам когда-нибудь и придется продавать свою коллекцию, мистер Саттервейт, я не верю, что хоть одна из ваших картин будет стоить дешевле той суммы, которую вы заплатили за нее сами.

- Итак, я беру эту акварель, - заявил Саттервейт. - Я выпишу вам чек прямо сейчас.

- Вы не пожалеете, что приобрели ее. Мы верим в талант Бристоу.

- Он молод?

- Лет двадцать семь - двадцать восемь.

- Я хотел бы с ним познакомиться, - сказал мистер Саттервейт. - Может, мы могли бы поужинать с ним как-нибудь вечером?

- Я вам дам его адрес. Думаю, он с удовольствием примет приглашение. Вас хорошо знают в артистических кругах.

- Вы мне льстите..., - начал Саттервейт, но мистер Кобб перебил его:

- А вот и сам Бристоу. Я познакомлю вас прямо сейчас.

Он встал из-за кресла, и оба подошли к высокому неуклюжему молодому человеку, который, прислонившись к стене, хмуро, почти свирепо разглядывал окружающий мир.

Мистер Кобб представил художнику Саттервейта, и старый джентльмен произнес соответствующую случаю короткую хвалебную речь.

- Я только что имел удовольствие приобрести одну из ваших картин. Она называется "Мертвый Арлекин".

- А! Ну что ж, думаю, что вы не прогадали, - грубовато заметил Бристоу. - Чертовски хорошая работа, хотя я и не должен хвалить сам себя.

- Я сразу увидел руку мастера, - продолжал мистер Саттервейт. - Ваши работы чрезвычайно меня заинтересовали, мистер Бристоу. Они необычайно зрелы для такого молодого человека. Может вы поужинаете со мной сегодня? Доставите мне такое удовольствие, если не заняты вечером?

- Нет, не занят, - ответил художник. В его голосе не слышалось ни чуточки благодарности.

- Тогда давайте встретимся часов в восемь? - предложил старый джентльмен. - Вот моя визитная карточка.

- Ладно, - сказал Бристоу, и с явным опозданием добавил: - Благодарю.

"Молодой человек очень невысокого мнения о себе и боится, что такое же мнение о нем имеют все окружающие", - подумал Саттервейт, выходя на залитую солнцем Бонд-стрит. Он редко ошибался в своих оценках.

Френк Бристоу прибыл в пять минут девятого, и ужин начался. Мистер Саттервейт был не один. Рядом с ним сидел полковник Монктон. Четвертое место за овальным столом красного дерева было свободным.

- Я думаю, что, может быть, подойдет мой друг, мистер Квин, - пояснил Саттервейт. - Вы с ним не знакомы?

- Я никогда ни с кем не знакоюсь, - проворчал Бристоу.

Полковник Монктон посмотрел на художника с отрешенным интересом, как будто разглядывал редкий вид медузы. Мистер Саттервейт решил приложить все усилия, чтобы беседа

протекала в дружеской атмосфере.

- Знаете, мистер Боистоу. я особенно заинтересовался вашей картиной, потому что кажется узнал место, изображенное на ней. Это терраса дома в поместье Чарнли. Я прав? - молодой человек кивнул, и Саттервейт продолжал: - Очень интересно, Я останавливался там несколько раз. Вы знакомы с кем-нибудь из этой семьи?

- Нет, не знаком! - отрезал Бристоу. - Таким семейкам люди нашего сорта не подходят. Я ездил туда на экскурсию в автобусе.

- Боже мой! - сказал полковник только для того, чтобы что-то сказать. В автобусе! Френк Бристоу хмуро посмотрел на него.

- А почему бы и нет? - сердито спросил он.

Бедный Монктон не знал, что ответить. Он с упреком посмотрел на мистера Саттервейта, как бы желая сказать: "Эти примитивные формы жизни могут быть интересны вам, как натуралисту, ну а причём здесь я?"

- Ужасный вид транспорта эти автобусы! - заявил Монктон. - В них всегда так трясет.

- "Роллс-ройсы" нам не по карману, - огрызнулся молодой человек.

Полковник уставился на него во все глаза. Мистер Саттервейт подумал: "Если я не смогу заставить этого молодого человека расслабиться, то вечер у нас будет испорчен".

- Поместье Чарнли всегда вызывает у меня какое-то особое чувство, сказал он. - Со времени трагедии я был там только один раз. Мрачный дом, как будто населенный призраками.

- Верно, - согласился Бристоу.

- Там и в самом деле обитают два привидения, - заметил Монктон. Говорят, что на террасу иногда выходит призрак Чарльза I, и что он держит под мышкой собственную голову, только я забыл, почему. И еще там есть Плачущая Леди с Серебряным Кувшином, которая всегда появляется после смерти кого-нибудь из рода Чарнли.

- Чушь, - презрительно фыркнул Бристоу.

- Эту семью преследует злой рок, - торопливо вставил мистер Саттервейт. - Четверо владельцев титула умерли насильственной смертью, а последний лорд Чарнли совершил самоубийство.

- Исключительно неприятное происшествие, - мрачно произнес Монктон. Когда это случилось, я был там.

- Дайте вспомнить... Это было четырнадцать лет назад, - сказал Саттервейт. - С тех пор в этом доме никто не живет.

- Не удивительно, - отозвался полковник. - Для молодой женщины это, конечно, был ужасный удар. Они были женаты только месяц и как раз вернулись из свадебного путешествия. Решили устроить большой маскарад, чтобы отпраздновать возвращение.

Как раз, когда начали собираться гости, Чарнли закрылся в Дубовой Комнате и застрелился. Исключительно странный поступок. Простите... Монктон резко повернул голову налево и посмотрел на мистера Саттервейта с виноватой улыбкой. - Знаете, Саттервейт, у меня почему-то пошли мурашки по коже. Мне на миг показалось, что в этом кресле сидел какой-то человек и что он что-то мне сказал.

- Да, - продолжал Монктон через пару минут, - это было ужасное потрясение для Аликс Чарнли. Она была одной из самых красивых девушек, которых мне приходилось когда-либо видеть. В ней было много того, что люди называют радостью жизни, а теперь все говорят, что она и сама стала похожей на привидение. Правда, я ее уже много лет не видел. Кажется, она проводит большую часть времени за границей.

- А сын?

- Мальчик учится в Итоне[1]. Не знаю, что он будет делать, когда достигнет

совершеннолетия. Не думаю, что он вернется в поместье Чарнли.

- А что, из этого местечка получился бы неплохой парк для отдыха, насмешливо заметил Бристоу.

Полковник посмотрел на молодого человека с отвращением.

- Нет, нет, вы не должны так говорить, - вмешался мистер Саттервейт. Если бы вы действительно так считали, то никогда не смогли бы нарисовать вашу картину.

Традиции и атмосфера - это тонкие, непостижимые вещи. Они создаются не одну сотню лет и если их разрушить, то восстановить за двадцать четыре часа их невозможно. - Он встал. - Давайте пройдем в комнату для курения. Я хочу показать вам кое-какие фотографии поместья Чарнли.

Одним из хобби Саттервейта была любительская фотография. Старый джентльмен очень гордился своей книгой "Дома моих друзей". Все его друзья были людьми благородного происхождения, и сама книга выставляла Саттервейта большим снобом, чем он был на самом деле.

- Вот снимок террасы, - пояснил мистер Саттервейт и подал фотографию художнику.

- Видите, он сделан почти с той же точки, с какой вы рисовали свою акварель. А вот этот чудесный ковер. Жаль, что снимок не передает цветов.

- Я помню его, - отозвался Бристоу. - Красивая вещь, ярко-красная, как пламя. Но все равно там этот ковер был немного не к месту. Он чересчур большой и совсем не смотрится на полу, состоящем из черных и белых квадратов. На террасе только один этот ковер, и он похож на огромное кровавое пятно.

- Наверно, он и подсказал тему этой картины? - поинтересовался мистер Саттервейт, - Наверное, - задумчиво ответил Бристоу. - Лично мне кажется, что местом трагедии лучше было бы избрать маленькую комнату с панелями, смежную с террасой.

- Она называется Дубовая Комната, - заметил Монктон. - Совершенно верно, о ней ходят нехорошие слухи. Там в стене, за панелью, возле камина есть тайник.

Легенда гласит, что в нем когда-то прятался Чарльз I. Еще в этой комнате состоялись две дуэли. И именно в ней застрелился Регги Чарнли.

Полковник взял фотографию из рук художника.

- Да, это бухарский ковер, - продолжал он. - Стоит, я думаю, не менее двух тысяч фунтов. Когда я был в поместье, он лежал в Дубовой Комнате. Там он был как раз на своем месте. А здесь, на террасе, на этих мраморных клетках, он выглядит совсем нелепо.

Мистер Саттервейт посмотрел на пустое кресло и задумчиво произнес:

- Интересно, когда этот ковер перенесли из Дубовой Комнаты?

- Наверное, уже потом. Я помню, беседовал с Чарнли в день трагедии и он сказал, что такие вещи надо вообще держать под стеклом.

Старый джентльмен покачал головой.

- Дом закрыли сразу же после самоубийства, оставив все так, как было.

В их разговор вмешался художник:

- А почему застрелился лорд Чарнли? - осведомился он, оставив свою агрессивную манеру.

Полковник Монктон неловко пошевелился в кресле:

- Никто об этом никогда не узнает, - рассеянно произнес он.

- Я полагаю, - медленно начал мистер Саттервейт, - что это все-таки было самоубийство.

Полковник посмотрел на него с откровенным недоумением.

- Разумеется, это было самоубийство. Мой дорогой друг, я же сам находился тогда в этом доме.

Саттервейт вновь посмотрел на пустое кресло, улыбнулся, как будто вспомнил какую-то

шутку, которая была неизвестна его собеседникам, и спокойно сказал:

- Иногда человек по прошествии ряда лет видит события более ясно, чем он видел их в то время.

- Вздор, - фыркнул Монктон. - Сущий вздор! Как это может быть, если со временем события становятся все более туманными?

Но Бристоу неожиданно пришел на помощь мистеру Саттервейту:

- Я знаю, что вы имеете в виду, - сказал художник. - И, по-видимому, правы. Это вопрос пропорций, правда? Даже, наверное, больше, чем пропорций. Теория относительности и все такое.

- Если хотите знать мое мнение, - произнес полковник, - то все эти теории Эйнштейна - настоящая чепуха. И спириты, и привидения - тоже! - он свирепо оглядел собеседников. - Разумеется, это было самоубийство. Практически я своими собственными глазами видел, как все произошло.

- Так расскажите и нам, - попросил мистер Саттервейт, - чтобы мы тоже увидели все собственными глазами.

Удовлетворенно хмыкнув, полковник устроился в кресле поудобней и начал:

- Случившееся было для всех огромной неожиданностью. Чарнли вел себя, как обычно. На маскарад должно было приехать много людей. Никто и представить себе не мог, что хозяин пойдет и застрелится как раз тогда, когда начнут прибывать гости.

- Более тактично было бы, если бы он подождал до отъезда гостей, заметил Саттервейт.

- Конечно. Чертовски не деликатный поступок.

- Нетипично, - добавил старый джентльмен.

- Да, - согласился полковник. - Совсем нехарактерно для Чарнли.

- И все же это было самоубийство?

- Разумеется. Я и еще двое или трое стояли на втором этаже: служанка Острандеров, Элджи Дарси, ну и еще пара человек. Внизу Чарнли пересек холл и вошел в Дубовую Комнату. Служанка сказала, что выражение его лица было ужасным, глаза выпучены, но это, конечно, чепуха, потому что с того места, где мы стояли, она не могла видеть его лицо. Но Чарнли действительно шел как-то сгорбившись, как будто нес на плечах тяжелую ношу. Одна из девушек позвала его. Кажется, это была чья-то гувернантка, которую леди Чарнли включила в число гостей по доброте душевной. Эта девушка сказала: "Лорд Чарнли, леди Чарнли желает знать..." Он ничего не ответил ей, зашел в Дубовую Комнату, захлопнул дверь. Мы слышали, как в замочной скважине повернулся ключ. Буквально минуту спустя раздался выстрел.

Мы бросились вниз по лестнице. В Дубовой Комнате есть еще одна дверь. Она выходит на террасу. Та дверь тоже была закрыта на ключ. В конце концов мы взломали ее. Чарнли лежал на полу - мертвый - возле его правой руки был пистолет. И что же это, если не самоубийство? Несчастный случай? И не говорите.

Другим объяснением может быть убийство, но убийства не бывает без убийцы.

Надеюсь, вы согласны с этим?

- Убийца мог скрыться, - предположил мистер Саттервейт.

- Это невозможно. Если у вас найдется листок бумаги и карандаш, я нарисую вам план этой части дома. В Дубовую Комнату ведут две двери: одна выходит в холл, другая - на террасу. Но обе они были закрыты изнутри, и ключи находились в замках.

- А окно?

- Тоже было закрыто и жалюзи опущены.

Воцарилось молчание.

- Вот и все, - торжественно произнес Монктон.

- Похоже на это, - печально согласился Саттервейт.

- Учтите, - продолжал полковник, - хотя я только что смеялся над всеми этими спиритами, должен вам сказать, что в поместье Чарнли была действительно какая-то жутковатая атмосфера, особенно в Дубовой Комнате. В панелях стен имеется несколько дырок от пуль - там состоялось несколько дуэлей. На полу какое-то странное пятно, которое всегда проступает на досках, хотя их меняли несколько раз. А после этого случая, наверное, появилось и второе пятно - кровь бедного Чарнли.

- И много было крови, когда он застрелился? - поинтересовался мистер Саттервейт.

- Очень мало. На удивление мало, как сказал доктор.

- Чарнли выстрелил себе в голову?

- Нет, в сердце.

- Это не так-то просто сделать, - заметил Бристоу. - Попробуй найди точно, где у тебя сердце. Я бы никогда не стрелял в сердце.

Мистер Саттервейт покачал головой. Он был не совсем доволен. Рассказ Монктона должен был, как надеялся старый джентльмен, натолкнуть его... на что? Он и сам не знал.

- Да, мрачноватое это место, - повторил полковник.

- Хотя лично я не видел там ничего особенного.

- А вы случайно не видели там Плачущей Леди с Серебряным Кувшином?

- Нет, сэр, не видел, - с чувством ответил Монктон. - Но все слуги в доме Чарнли клялись, что видели.

- Суеверие было проклятьем средних веков, - заявил художник. - И сейчас его отголоски еще встречаются то там, то здесь, хотя, слава богу, мы постепенно избавляемся от этого.

- Суеверие, - задумчиво повторил мистер Саттервейт, и опять посмотрел на пустое кресло. - Иногда... Как вы думаете, суеверие может оказаться полезным?

Бристоу удивленно уставился на старого джентльмена.

- Полезным - совсем неподходящее слово.

- Ну, теперь-то, я надеюсь, у вас не осталось сомнений, Саттервейт? спросил полковник.

- Не осталось, - согласился старый джентльмен. - И все равно кажется странным, что недавно женившийся человек, молодой, богатый, счастливый, готовящийся отпраздновать свое возвращение после свадебного путешествия, и вдруг совершает такой бессмысленный поступок. Чрезвычайно странно, но я согласен: от фактов никуда не денешься. Истина - в фактах, - тихо произнес Саттервейт и нахмурился.

- И никто никогда не узнает, что же стояло за этим поступком, - заметил Монктон.

- Конечно, ходили слухи, всевозможные слухи. О чем только не судачат люди.

- Но достоверно никто ничего не знал, - задумчиво продолжил Саттервейт.

- На детективный роман совсем не похоже, да? - сказал художник. Никому не было никакой выгоды от смерти этого человека.

- Никому, кроме неродившегося ребенка, - возразил мистер Саттервейт.

Монктон хмыкнул.

- Какой удар для бедного Хьюго Чарнли, - заметил он. - Как только стало известно, что леди Чарнли ждет ребенка, на его долю выпало чрезвычайно приятное занятие сидеть и ждать, затаив дыхание, мальчик это будет или девочка. Да и его кредиторы тоже поволновались. Когда родился мальчик, разочарование было всеобщим.

- А вдова очень переживала смерть Чарнли? - поинтересовался Бристоу.

- Бедняжка, - произнес полковник. - Никогда этого не забуду. Она не плакала, не впадала в истерику, ничего такого. Она как будто... окаменела. Как я уже сказал, вскоре после этого леди Чарнли закрыла поместье и, насколько я знаю, никогда больше не возвращалась туда.

- Итак, мотив самоубийства окутан мраком, - констатировал художник, слегка улыбнувшись. - Или здесь замешан другой мужчина, или другая женщина - одно из двух, да?

- Похоже, - согласился Саттервейт.

- Скорее всего другая женщина, - продолжал художник, - поскольку вдова так больше и не вышла замуж. Лично я ненавижу женщин, - добавил он хладнокровно.

Мистер Саттервейт слегка улыбнулся. Заметив это, Бристоу набросился на старого джентльмена, как ястреб.

- Можете смеяться, но я действительно ненавижу женщин. Они все только портят.

Всюду вмешиваются. Не дают работать. Они... Только один раз я встретил женщину, которая... Ну, в общем, интересного человека.

- Я тоже считаю, что хоть одну можно найти, - заметил Саттервейт.

- Нет, я совсем не в том смысле. Я... Я встретил ее случайно. Это было в поезде.

В конце концов, - добавил молодой человек с вызовом, - почему это нельзя знакомиться в поездах?

- Можно, можно, - успокоил его старый джентльмен. - Поезд несколько не хуже любого другого места.

- Он шел с севера. В купе нас было только двое. Не знаю почему, но мы разговорились. Я даже не спросил, как ее зовут, и, наверное, никогда больше ее не встречу. Не знаю, хотелось бы мне этого. Конечно, я могу... и пожалеть об этом, - художник замолчал, потом вновь заговорил, пытаясь яснее выразить свою мысль: - Эта женщина, знаете, она какая-то нереальная. Призрачная, Как будто пришла из кельтских сказок.

Саттервейт понимающе кивнул. Он легко представил себе ситуацию: практичный и рассудительный Бристоу и его спутница, воздушная, почти бесплотная. Призрачная, как сказал он сам.

- Наверное, таким может стать человек, переживший что-то ужасное, почти невыносимое, - продолжал художник. - Такой человек, вероятно, попытается убежать от действительности, укрыться в своем собственном мирке, и через какое-то время он будет уже не в состоянии вернуться к реальной жизни.

- С ней это и случилось? - с любопытством спросил мистер Саттервейт.

- Не знаю, - произнес Бристоу. - Она мне ничего не сказала, и я только предполагаю. Если хочешь прийти к какому-то выводу, надо шевелить мозгами.

- Да, медленно произнес Саттервейт. - Надо шевелить мозгами.

Дверь открылась и старый джентльмен поднял голову. Он с надеждой посмотрел на лакея, но, услышав его слова, был разочарован.

- Леди, сэр. Желает видеть вас по весьма срочному делу. Мисс Аспасия Глен.

Саттервейт в изумлении поднялся из-за стола. Он уже слышал это имя. Да и кто в Лондоне не знал об Аспасии Глен? Моноспектакли Женщины с Шарфом (как рекламировали ее в афишах) захватили столицу буквально врасплох. С помощью обыкновенного шарфа эта актриса пародировала различных людей. Ее шарф становился то чепцом монашки, то платком мельника, то головным убором крестьянки, то еще чем-нибудь, причем все образы, созданные мисс Глеи, были непохожи один на другой. Мистер Саттервейт очень уважал эту женщину как актрису, но - так уж получилось - не имел до сих пор возможности познакомиться с ней. Визит Аспасии Глен в столь неожиданный час заинтриговал старого джентльмена.

Мисс Глен сидела на середине покрытого золотой парчой дивана. Она выглядела хозяйкой комнаты. Мистер Саттервейт сразу понял, что эта женщина хочет стать и хозяйкой ситуации. К своему удивлению он почему-то почувствовал к гостье антипатию, хотя прежде искренне восхищался талантом Аспасии Глен. В свете огней рампы она казалась ему трогательным

созданием, вызывала симпатию. На сцене она производила впечатление женщины тоскующей, заставляющей задуматься. Но теперь, когда мистер Саттервейт оказался с ней лицом к лицу, им овладели совершенно иные чувства. В Аспасии Глен было что-то жестокое, вызывающее и упрямое. Это была высокая темноволосая женщина лет тридцати пяти, очень симпатичная. Несомненно, она делала ставку на свою красоту.

- Вы должны простить меня за столь неожиданный визит, мистер Саттервейт, - произнесла она сочным соблазнительным голосом. - Не хочу сказать, что я всегда желала познакомиться с вами, но сейчас я рада такой возможности. Что касается моего визита, - женщина засмеялась, - э-э-э... Мне нужна одна вещь, Я ничего не могу с собой поделаться. Когда мне хочется иметь какую-нибудь вещь, она просто должна у меня быть.

- Я приветствую любой повод, который свел меня с такой очаровательной женщиной, - постаромодному галантно произнес старый джентльмен.

- Вы очень любезны, - сказала Аспасия Глен.

- Моя дорогая леди, - продолжал мистер Саттервейт. - Разрешите мне поблагодарить вас за то удовольствие, которое я получаю каждый раз, когда смотрю ваши спектакли.

Мисс Глен обворожительно улыбнулась.

- Я перейду прямо к делу. Сегодня я была в Харчестерской галерее и увидела там картину, без которой просто не смогу жить. Я хотела купить ее, но оказалось, что она уже куплена вами. Поэтому... - женщина сделала паузу, - в общем, мне очень нужна эта картина. Дорогой мистер Саттервейт, я просто должна иметь ее. Я принесла чековую книжку, - мисс Глен с надеждой взглянула на него. - Говорят, что вы исключительна добрый человек. Знаете, все люди добры ко мне. Меня это портит, но факт остается фактом.

Таковы были методы Аспасии Глен. Мистер Саттервейт внутренне возмутился ее чрезмерным старанием обольстить его своими женскими чарами и этой игрой в испорченного ребенка. Ее манеры вроде должны были вызвать в нем положительный отклик, но этого не произошло. Аспасия Глен сделала ошибку: она посчитала его старым дилетантом, которого может легко обольстить хорошенькая женщина. Но за галантным поведением мистера Саттервейта скрывался проницательный и критичный наблюдатель. Старый джентльмен видел людей такими, какими они были, а не такими, какими казались. И на этот раз он увидел перед собой не очаровательную особу, желающую удовлетворить свой каприз, а безжалостную эгоистку, пытающуюся во что бы то ни стало добиться своего. Причины этого мистер Саттервейт пока не знал. И он решил не уступать: картина "Мертвый Арлекин" останется у него. Старый джентльмен быстро прикинул, как можно ответить отказом и не показаться излишне резким.

- Я уверен, - начал он, - что все вокруг готовы выподнять ваши желания и испытывают при этом огромное - То есть, вы уступите мне эту картину?

Мистер Саттервейт медленно и с сожалением покачал головой.

- Боюсь, это невозможно. Видите ли, - он сделал паузу, - я купил эту картину для одной женщины. Это подарок.

- О! Но ведь...

В это время резко зазвонил телефон. Пробормотав извинения, старый джентльмен снял трубку.

- Могу я поговорить с мистером Саттервейтом? - услышал он чей-то слабый, безжизненный голос, доносившийся как будто очень издалека.

- Да, я вас слушаю.

- Я леди Чарнли, Аликс Чарнли. Вы, наверное, не помните меня, мистер Саттервейт.

Мы встречались с вами много лет назад.

- Моя дорогая Аликс, ну конечно же я вас помню.

- Я хочу просить вас об одном одолжении. Сегодня я ходила на выставку в Харчестерскую галерею. Там была одна картина, "Мертвый Арлекин". На ней изображена терраса в нашем поместье, Чарнли. Вы, наверное, узнали ее. Я... Я бы хотела иметь эту картину, но она была продана вам, - женщина помолчала. - Мистер Саттервейт, по некоторым причинам мне очень нужна эта картина. Может, вы уступите ее мне?

"Вот так чудеса", - подумал мистер Саттервейт и заговорил, радуясь тому, что Аспасия Глен может слышать только половину его беседы с леди Чарнли.

- Я буду счастлив, если, вы примете этот подарок, - старый джентльмен услышал за спиной отрывистое восклицание мисс Глен и поспешил продолжить: - Я купил эту картину для вас. Именно так. Но послушайте, моя дорогая Аликс, я хочу, чтобы вы выполнили одну мою просьбу.

- Ну, конечно, мистер Саттервейт. Я вам так благодарна.

- Я хочу, чтобы вы прямо сейчас приехали ко мне домой.

Последовала небольшая пауза, затем леди Чарнли ответила:

- Хорошо, я приеду.

Саттервейт положил трубку и повернулся к мисс Глен.

- Так вы об этой картине говорили с ней? - быстро и сердито спросила она.

- Да, - подтвердил старый джентльмен. - Леди, которой я дарю эту картину, приедет сюда через несколько минут.

Неожиданно лицо Аспасии Глен вновь расплылось в улыбке.

- Но вы дадите мне возможность убедить ее уступить картину мне?

- Я даю вам такую возможность.

Странное волнение овладело мистером Саттервейтом. Перед ним разворачивалась человеческая драма, и конец ее был predetermined. Он, Саттервейт, сторонний наблюдатель жизни, играл сейчас в этой драме заглавную роль.

- Давайте пройдем в другую комнату, - обратился он к женщине. - Я хочу познакомить вас с моими друзьями.

Он открыл дверь и пропустил мисс Глен. Они пересекли холл и вошли в комнату для курения.

- Мисс Глен, - произнес Саттервейт, - позвольте представить вам моего старого друга полковника Монктона. А это мистер Бристоу, художник, картина которого так восхитила вас.

Старый джентльмен вздрогнул: из кресла, которое было пустым, когда он уходил, поднялась третья фигура.

- Мне кажется, вы ожидали меня сегодня вечером, - заявил мистер Квин. Пока вы отсутствовали, я познакомился с вашими друзьями. Я очень рад, что мне удалось навестить вас.

- Мой дорогой друг, - начал Саттервейт. - Я... Я старался продолжать без вас, насколько это в моих силах, но... - и он запнулся под чуть насмешливым взглядом темных глаз мистера Квина. - Позвольте представить. Мистер Харли Квин[2], мисс Аспасия Глен.

Мисс Глен - или это только показалось Саттервейту? - слегка отпрянула. Странное выражение появилось на ее лице и тут же пропало.

- Я понял, - неожиданно громко заявил Бристоу.

- Что поняли?

- Понял, что привело меня в такое замешательство, - художник с любопытством уставился на мистера Квина. затем повернулся к Саттервейту. Видите? Вы видите, как мистер Квин похож на Арлекина на моей картине - на того человека, который смотрит через окно?

На этот раз старому джентльмену никак не могло почудиться: мисс Глен шумно вздохнула

и отступила на один шаг назад.

- Я же говорил вам, что жду еще одного гостя - торжественно заявил мистер Саттервейт. - Должен сказать, что мистер Квин - человек необычных способностей:

он раскрывает любые тайны. Он заставляет вас видеть все совершенно в другом свете.

- Вы медиум, сэр? - поинтересовался полковник Монктон, с сомнением оглядывая мистера Квина.

Тот улыбнулся и медленно покачал головой.

- Мистер Саттервейт преувеличивает, - спокойно произнес он. - Пару раз я был свидетелем того, как он провел изумительную дедуктивную работу. Почему он относит свои успехи на мой счет, я сказать не могу. Вероятно, по причине скромности.

- Нет, нет, - взволнованно продолжал пожилой джентльмен. - Все не так. Вы помогли мне увидеть факты. - которые я и сам должен был видеть... Нет, я их видел, но не признавал этого.

- Должен признаться, чертовски путано вы говорите, - заметил полковник Монктон.

- Нет, все очень просто, - возразил мистер Квин. - Беда в том, что мы просто спешим дать фактам неправильное истолкование.

Аспасия Глен повернулась к Френку Бристоу.

- Я хочу знать, - нервно начала она, - что натолкнуло вас на мысль нарисовать эту картину?

Художник пожал плечами.

- Я и сам это не совсем понимаю, - признался он. - Что-то в этом доме, в поместье Чарнли я имею в виду, захватило мое воображение. Большая пустая комната. Терраса. Наверное, мне пришли в голову всякие сказки о привидениях и прочих подобных вещах. Еще я слышал историю о последнем лорде Чарнли, его самоубийстве. А если человек мертв, но его душа продолжает существовать? Знаете, это была такая странная мысль. И вот душа взирает снаружи на свое мертвое тело и все понимает.

- Что вы имеете в виду "все понимает"? - спросила мисс Глен.

- Ну, понимает, как это произошло. Понимает...

Дверь открылась и лакей объявил, что приехала леди Чарнли.

Мистер Саттервейт отправился встретить ее. Он не видел Аликс Чарнли лет четырнадцать. В его памяти она осталась цветущей и жизнерадостной женщиной. А сейчас... Перед ним стояла Окаменевшая Леди. Бледная, очень красивая, она, казалось, не шла по земле, а плыла, как снежинка, подхваченная ледяным ветром.

Такая холодная, такая отрешенная она казалась нереальной.

- Как хорошо, что вы пришли, - сказал мистер Саттервейт.

Он провел гостью в комнату. Увидев Аспасию Глен, леди Чарнли сделала жест, как будто узнав ее, и остановилась, так как актриса никак не отреагировала.

- Извините, - пробормотала Аликс, - мы с вами уже где-то встречались, правда?

- Вероятно, вы видели мисс Глен в театре, - подсказал мистер Саттервейт. - Леди, Чарнли, это мисс Аспасия Глен.

- Очень рада познакомиться с вами, леди Чарнли, - произнесла Аспасия Глен. Ее голос неожиданно приобрел этакий заморский акцент, и старый джентльмен сразу же вспомнил один из ее многочисленных сценических образов.

- Полковника Монктона вы знаете, - продолжал Саттервейт, - а это мистер Бристоу.

Щеки леди Чарнли слегка порозовели.

- С мистером Бристоу я тоже однажды встречалась, - чуть улыбнувшись, заявила она. - В поезде.

-А это мистер Харли Квин.

Старый джентльмен внимательно наблюдал за Аликс, но на этот раз он не увидел в ее

глазах ни малейшего признака того, что женщина знала мистера Квина. Мистер Саттервейт пододвинул ей кресло, сел сам. Прочистив горло и немного волнуясь, он начал:

- Я... Это не совсем обычная встреча. Все дело в картине, которую я сегодня купил. Мне кажется, что если бы мы захотели, то могли бы... кое-что прояснить.

- Саттервейт, вы собираетесь устроить спиритический сеанс? поинтересовался Монктон. - Вы сегодня какой-то странный.

- Нет, не совсем сеанс, - возразил тот. - Но мой друг, мистер Квин верит, и я с ним согласен, что мысленно обратив взор в прошлое, можно увидеть факты такими, какими они были на самом деле, а не такими, какими они всем казались.

- В прошлое? - переспросила леди Чарнли.

- Я имею в виду самоубийство вашего супруга, Аликс. Я понимаю, вам больно вспоминать все это...

- Нет, - сказала Аликс Чарнли, - не больно. Тепер мне уже ничего не страшно.

Мистер Саттервейт вспомнил слова Френка Бристоу: "Эта женщина, знаете, она какая-то нереальная. Призрачная. Как будто пришла из кельтских сказок".

Призрачная, - назвал он ее. Именно так. Призрак когда-то жизнерадостной женщины.

Так где же та, настоящая Аликс? И старый джентльмен сам ответил на свой вопрос:

"В прошлом. Отделенном четырнадцатью годами".

- Моя дорогая, - произнес он, - вы меня пугаете. Вы как та Плачущая Леди с Серебряным Кувшином.

Дзынь! Аспасия зацепила локтем кофейную чашку, она упала на под и разбилась вдребезги. Мистер Саттервейт только махнул рукой в ответ на извинения мисс Глен.

Он подумал: "Мы все ближе и ближе - но к чему?"

- Давайте поговорим о событиях четырнадцатилетней давности, - начал Саттервейт.

- Лорд Чарнли застрелился. Покакой причине? Никто не знает.

Аликс слегка пошевелилась в кресле.

- Леди Чарнли знает, - неожиданно заявил Френк Бристоу.

- Чепуха..., - начал Монктон и замолчал. Нахмурившись, он с любопытством взглянул на женщину.

Та посмотрела на актрису. Полковник своим взглядом как будто вынудил говорить леди Чарнли. Она медленно кивнула.

- Да, совершенно верно. Я знаю. - Ее голос был, как снег, холодный и мягкий. - Вот почему я никогда не смогу вернуться в наше поместье. Вот почему, когда мой сын Дик хочет, чтобы мы вернулись в Чарнли, я отвечаю ему, что это невозможно.

- Вы объясните нам причину, леди Чарнли? - спросил мистер Квин.

Аликс взглянула на него. Потом, будто загипнотизированная, заговорила спокойно и естественно, как ребенок:

- Объясню, если хотите. Теперь уже все равно. Среди бумаг моего мужа я нашла письмо. Потом я уничтожила его.

- Какое письмо? - поинтересовался мистер Квин.

- Письмо от девушки, от одной бедной девушки. Она была воспитательницей у Мериамов. Мой супруг... Он был с ней в близких отношениях... Это случилось перед самой нашей свадьбой, мы были уже помолвлены. Та девушка... Она забеременела.

Написала ему письмо, грозила, что все расскажет мне. Поэтому он и застрелился.

Аликс устало и рассеянно посмотрела на собравшихся. Она напоминала ребенка, который только что ответил хорошо заученный урок. Полковник Монктон высморкался.

- Боже мой, - произнес он. - Значит, вот в чем дело. Ну что ж, этот факт прекрасно

объясняет его поступок.

- Да? - спросил мистер Саттервейт. - Но он не объясняет одну вещь. Он не объясняет, почему мистер Бристоу нарисовал эту картину.

- Что вы хотите этим сказать?

Старый джентльмен взглянул на мистера Квина, как бы ожидая его поддержки. Очевидно, он ее получал, поскольку решил продолжить:

- Да, я знаю, что это покажется всем вам сущей бессмыслицей, но разгадка этой тайны заключена в картине. Мы все собрались здесь из-за этой картины. Эта акварель должна была быть нарисована - вот что я хочу сказать.

- Вы имеете в виду, что Дубовая Комната оказывает на людей какое-то сверхъестественное влияние? - спросил полковник.

- Нет, - возразил мистер Саттервейт. - Не Дубовая Комната. Терраса. Именно она!

Душа мертвого человека видит через окно свою собственную оболочку на полу.

- Чего быть не может, - добавил Монктон, - поскольку тело лежало в Дубовой Комнате.

- А если нет? - продолжал старый джентльмен. - А если оно действительно лежало там, где увидел его в своем воображении мистер Бристоу? Я имею в виду на черно-белых клетках террасы, напротив окна.

- Вы говорите чепуху, - заметил полковник. - Если бы труп лежал на террасе, мы бы не нашли его в Дубовой Комнате.

- Его могли туда перенести, - возразил Саттервейт.

- В таком случае, как мы могли видеть, что лорд Чарнли входил в Дубовую Комнату?

- спросил полковник.

- Но вы же не видели лица этого человека, правда? - ответил старый джентльмен. - Вы только, видели, что какой-то человек в маскарадном наряде прошел в Дубовую Комнату.

- Да, в парике и парчовом костюме, - согласился Монктон.

- Вот именно. И вы подумали, что это был лорд Чарнли, поскольку та девушка обратилась к нему, как к лорду Чарнли.

- Но когда несколько минут спустя мы вбежали в комнату, там находился только мертвый Регги Чарнли. Уж это вам объяснить не удастся.

- Да, - обескураженно произнес Саттервейт. - Да... Вот если бы там было какое-то потайное убежище.

- Вы вроде бы говорили о каком-то "тайнике монаха"[3] в этой комнате? обратился к полковнику Френк Бристоу.

- О! - воскликнул мистер Саттервейт. - А если... - он махнул рукой, требуя тишины, затем, прикрыв лоб ладонью, заговорил медленно и нерешительно. - У меня появилась одна идея. Это только предположение, но оно кажется мне вполне логичным. Допустим, что лорда Чарнли застрелили. Убийство произошло на террасе.

Затем преступник и его сообщник перенесли тело в Дубовую Комнату и положили рядом с правой рукой пистолет. Далее. "Самоубийство" лорда Чарнли ни у кого не должно вызывать сомнений, мне кажется, это очень легко сделать. Преступник в парчовом наряде и парике пересекает холл и направляется к Дубовой Комнате, а его сообщник, стоя на лестнице, обращается к нему, как к лорду Чарнли для того, чтобы у присутствующих создалось впечатление, что это и есть Регги Чарнли. Затем мнимый хозяин поместья входит в Дубовую Комнату, закрывает изнутри обе двери и стреляет в стену. Не забывайте, что в панели комнаты уже есть следы пуль от дуэлей, так что никто не обратит внимания на еще одну дырку. Затем убийца прячется в "тайнике монаха". Когда двери взломали и в комнату вбежали люди, все они были уверены, что лорд Чарнли совершил самоубийство. Других предположений ни у кого не

возникло.

- Мне кажется, все это ерунда, - заявил полковник. - Не забывайте, что у Чарнли был повод лишиться себя жизни.

- Да, письмо, которое нашли после его смерти, - продолжал старый джентльмен. - Лживое, жестокое письмо, которое сочинила очень умная, но бессовестная женщина, желавшая сама стать леди Чарнли.

- Кого вы имеете в виду?

- Я имею в виду сообщницу Хьюго Чарнли, - заявил мистер Саттервейт. Знаете, Монктон, всем было известно, что этот человек мерзавец. Он был уверен, что унаследует титул, - резко повернувшись к леди Чарнли, старый джентльмен спросил:

- Как звали девушку, написавшую это письмо?

- Моника Форд, - ответила та.

- Скажите, Монктон, это Моника Форд обратилась к лорду Чарнли, когда он направлялся в Дубовую Комнату?

- Да, теперь, когда вы спросили об этом, я припоминаю, что это была она.

- О, это невозможно, - заявила Аликс. - Я... Я ходила к ней потом по поводу этого письма. Она сказала, что все это правда. После этого я ходила к Монике Форд только один раз, но она же не могла притворяться все это время.

Мистер Саттервейт посмотрел на Аспасию Глен.

- Могла, - спокойно заявил он. - Вероятно, у нее были задатки талантливой актрисы.

- Но вы не объяснили еще одного, - заметил Френк Бристоу. - На террасе должны были остаться следы крови. Обязательно. Преступники не успели бы вытереть их в спешке.

- Не успели бы, - согласился старый джентльмен. - Зато они могли сделать другое, и это заняло бы у них пару секунд: они могли бросить на окровавленный пол бухарский ковер. До этого вечера никто не видел ковра на террасе.

- Думаю, что вы правы, - заявил Монктон. - Но все равно, рано или поздно, кровь надо было вытереть?

- Да, - ответил Саттервейт. - Глубокой ночью. Женщина с кувшином или тазиком могла легко сделать это.

- А если бы ее кто-нибудь заметил?

- Это не имело бы значения, - заявил старый джентльмен. - Я же говорю о том, что произошло на самом деле. Я сказал: женщина с кувшином или тазиком. Если бы я сказал "Плачущая Леди с Серебряным Кувшином", вы бы сразу поняли, за кого ее могли принять в ту ночь. - Саттервейт встал и подошел к Аспасии Глен. - Вы же так и сделали, правда? Теперь вас называют Женщиной с Шарфом, но тогда вы сыграли свою первую роль - роль Плачущей Леди с Серебряным Кувшином. Вот почему вы нечаянно опрокинули сейчас кофейную чашку. Когда вы увидели эту картину, вы испугались. Вы думали, что кто-то обо всем знает. Леди Чарнли вытянула вперед бледную руку.

- Моника Форд, - прошептала она. - Теперь я узнала тебя.

Аспасия Глен с криком вскочила с кресла. Она оттолкнула тщедушного Саттервейта и приблизилась к мистеру Квину. Сотрясаясь всем телом, актриса начала:

- Значит, я была права: кто-то действительно знал! Вы здесь ломаете комедию, притворяясь, что только сейчас додумались до всего этого. Но меня не обмануть, - она показала на мистера Квина. - Это вы были там. Вы стояли за окном и смотрели в комнату. Вы видели, что мы сделали, Хьюго и я. Я знала, что кто-то смотрит на нас, чувствовала это все время. Но когда я поднимала голову, за окном никого не было. И все же я понимала, что за нами кто-то наблюдает. Один раз мне показалось, что в окне мелькнуло чье-то лицо. Все эти годы я жила в

страхе. А потом увидела эту картину и узнала вас. Вы с самого начала знали, что произошло в поместье Чарнли на самом деле. Но почему вы решили заговорить именно сейчас - вот что я хочу знать!

- Наверное, для того, чтобы мертвые спали спокойно, - произнес мистер Квин.

Неожиданно Аспасия Глен метнулась к двери и, остановившись на пороге, с вызовом бросила:

- Делайте, что хотите. Что из того, что вы все слышали мое признание? Мне наплевать. Наплевать! Я любила Хьюго и помогла ему совершить это ужасное преступление, а он потом бросил меня. В прошлом году он умер. Можете сообщать в полицию, если вам угодно. Но, как сказал этот маленький сморщенный джентльмен, я замечательная актриса, так что меня будет не так-то просто найти! - и мисс Глен с силой хлопнула дверью.

Несколько минут спустя все услышали, как стукнула дверь парадного входа.

- Регги, - заплакала леди Чарнли, - Регги! - слезы ручьями катились по ее щекам.

- О, мой дорогой, мой дорогой! Теперь я могу вернуться в свое поместье и жить там с Дики. Я могу рассказать ему правду об отце - о самом замечательном, самом прекрасном человеке в мире.

- Надо серьезно подумать о том, что мы можем предпринять в данной ситуации, - заявил полковник Монктон. - Аликс, моя дорогая, если вы разрешите мне проводить вас домой, я буду рад поговорить с вами на эту тему.

Леди Чарнли встала. Она подошла к мистеру Саттервейту, положила руки ему на плечи и очень нежно поцеловала его.

- После того, как я была мертва столько лет, как чудесно снова начать жить, - произнесла она. - Да, все эти годы я была как будто мертвой. Спасибо вам, дорогой мистер Саттервейт!

Женщина вышла из комнаты вместе с полковником. Старый джентльмен пристально смотрел им вслед. Френк Бристоу, о существовании которого Саттервейт и позабыл, проворчал что-то.

- Прекрасное создание, - угрюмо заявил художник и печально добавил: Но теперь она не так загадочна, как была тогда.

- В вас заговорил художник, - заметил Саттервейт.

- Да, не так загадочна, - повторил тот. - Наверное, если я когда-нибудь и захотел бы приехать в поместье Чарнли, меня бы ожидал там холодный прием. Так что не стоит ехать туда, где тебя не ждут.

- Мой дорогой, - начал мистер Саттервейт, - я считаю, что вам надо поменьше думать о том, какое впечатление вы производите на окружающих. Это будет мудрее, и вы почувствуете себя значительно лучше. Вам также стоит освободиться от всяких старомодных представлений насчет того, что происхождение человека имеет в наше время какое-то значение. Вы прекрасно сложены, а женщин всегда привлекают такие молодые люди. К тому же вы почти - если не наверняка - гений. Повторяйте себе это по десять раз каждый день перед сном, а через три месяца навестите леди Чарнли в ее поместье. Таков мой совет, а уж я-то пожил в этом мире немало лет.

Неожиданно лицо художника озарилось очень доброй улыбкой.

- Вы чертовски хорошо отнеслись ко мне, - вдруг произнес он и, схватив руку старого джентльмена, сильно сжал ее. - Бесконечно вам благодарен. А сейчас я должен идти. Большое спасибо за этот самый необычный в моей жизни вечер.

Он оглядел комнату, как будто хотел поблагодарить еще кого-то и, вздрогнув, сказал:

- Послушайте, сэр, а ваш-то друг исчез. Я не видел, как он уходил. Станный человек, правда?

- Он всегда приходит и уходит очень неожиданно, - пояснил мистер Саттеруэйт. - Такая уж у него особенность. Никто никогда не видит, как он появляется и исчезает.

- Невидимый, как Арлекин, - сказал Френк Бристоу, и от души рассмеялся собственной шутке.

[1] Итон - мужская средняя привилегированная школа.

[2] "Харликвин" означает по-английски "арлекин".

[3] "Тайник монаха" [лингво-страноведческий] - потайная келья для схимника в средневековых и более поздних европейских строениях.